

ЧТО МЫ ИМЕЕМ В ВИДУ, КОГДА ГОВОРИМ «SEXY»

Телесность и сексуальность в пространстве моды

Мода всегда так или иначе была связана с тем, что принято называть словом «sexy».

Одно из важнейших завоеваний фэшн-революции, прошедшей в последние годы,— обретение новой сексуальной свободы. Свободы выражать свою сексуальность как хочется или не выражать ее вовсе. И уж точно свободы от необходимости выражать ее предписанным образом.

Елена Стафьева |

«ТО, что ты вынуждена быть куклой, всегда одинаковой, чтобы быть красивой,— это просто плохо, это недостойно женщин. Вот почему я ненавижу все, что, по мнению людей, делает женщину красивой. Я принципиально против этого, с личной и общечеловеческой точки зрения. Я против еще и потому, что это банально. Я хочу быть умнее, сложнее, изощреннее, интереснее, новее»,— так сказала Миучча Прада в интервью The Independent примерно восемь лет назад. Собственно в этом «быть куклой» и есть суть так называемого *sexu*, как его принято было понимать в патриархальной, традиционной культуре, важнейшей частью которого оно и является. И Миучча Прада — один из тех модельеров, которые его планомерно разрушали и добились в этом заметных успехов.

За последние семь-восемь лет было написано, в том числе и мной, множество текстов, воспевающих модную революцию и ее плоды и дающих им названия — «гендерная амбивалентность», «новая женственность» и даже «новая мода». Суть всех этих рассуждений сводилась к одному: самое главное, что завоевала для нас эта самая мода, самое важное, что она принесла, и вообще ее определяющее свойство — это инклюзивность. Если прежде мода была для молодых, высоких, стройных и желательных красивых, то теперь она для каждого. Не в том смысле, что дизайнерские вещи стали доступны каждому, но в том, что фэшн-дизайнеры стали делать вещи, в которых любая фигура и любой возраст выглядят модными, и, более того, стали показывать эти вещи на моделях разных фигур и разного возраста. И речь вовсе не о ритуальных заявлениях и ритуально выпускаемых на подиум *plus-size*-моделях у тех брендов, что проповедуют вполне конвенциональную красоту для вполне стандартного модельного тела. На эту тему очень точно высказался в нашем интервью Хайдер Акерманн, сказавший, что нельзя называть себя феминистами и делать платья с затянутой талией и на тоненьких бретельках, в которых мало какая 50-летняя женщина может чувствовать себя комфортно. Речь о представлении новой телесности в пространстве моды — а значит, и новой красоты, и новой сексуальности.

Вся послевоенная мода, как бы ни менялись декады, утверждала в качестве модного только один силуэт, и, соответственно, сексуальность тоже была одна на всех — и то и другое описывалось традиционной триадой «грудь-талия-бедра». Даже если мода, как в 1960-е, перестава-

ла подчеркивать что-то из трех, то отсутствие все равно было подчеркивающим. Настоящее разрушение этого канона началось даже не с того, что пришли японцы со своим плоским кроем, а потом бельгийцы со своей деконструкцией, а с того, что где-то в середине 1980-х, в эпоху *power women*, аэробики и бравых супермоделей, внутри моды, внутри круга людей, ею занимающихся, возникает и крепнет стремление как-то оостранить всю эту жизнерадостную атлетическую красоту, все эти уложенные локоны и высокие бюсты. Они хотели добиться сдвига, странности, разрушить выхолащенность и запустить какие-то другие механизмы. Такое стремление приводит к тому, что все эти люди, от Ёдзи Ямамото и Мартина Марджелы до Жиль Сандер и Миуччи Прады, перестают открывать и обтягивать женское тело, а вместо этого начинают его закрывать и создавать вокруг него защищающий покров. Одежда перестает быть инструментом соблазнения — и прямого и косвенного, стереотипы — женственности, красоты и сексуальности — становятся предметом переворачивания, перемешивания и выворачивания наизнанку. И деконструкции, конечно. Сиротские платья Прады и ее мешковатые костюмы, наглухо закрытые сложносоставленные черные наряды Ямамото, поэтический оверсайз Марджелы, перелицованный и перекроенный, деформированные, с наростами, горбами и шишками, силуэты Рей Кавакубо — у каждого из них были свои способы деконструкции.

Но все они отталкивались от «соблазнительных изгибов» и прочих клише, подчеркивая, гротескно заостряя, странности и несовершенства, показывая, что в разности, в нестандартности, в выламывании из общего ряда и есть красота, что странное, неформатное и лишенное всякого лоска может быть куда сексуальнее совершенного, потому что обостряет чувства, заставляет работать интеллект и воображение. Их стараниями красота в том виде, в котором понимала ее вся послевоенная мода, конвенциональная красота, перестала быть модной. Идеальность обветшала — со славой высоких каблуков и накрученных локонов.

Новая мода началась с размывания гендерных ролей и стандартов. С асексуальности Алессандро Микеле и его юншей и девушек в одинаковой одежде, часто именно женской, и неотличимых друг от друга, когда определение «сексуальный» даже не возникало рядом с этим феноменом. С гротескных гиперобъемов и многослойности Демны Гвасалии, у которого мужчины и женщины разного возраста, но одинаково неглянцевого, нарочито обычной и на самом деле исключительно неординарной для моды внешности были одеты в почти одинаковые костюмы, халаты, парки. С развличивания всех кодов и стилей у Рафа Симонса и последующего свинчивания из разных их частей пленительных в своей непредсказуемости сочетаний. И, конечно, с новой женственности Фиби Файло, с ее триумфом покоя и воли, бесконечно роскошной и свободной красоты, отказы-

вающей себя экспонировать и как-то объективировать.

Огромные свитера, тяжелые пальто, мужские пиджаки на три размера больше и грубая обувь давно уже стали общим местом, бесконечно воспроизводимым масс-маркетом, а мини и кроп-топы никуда не делись с подиума. Но крошечные юбки и голые торсы у Прады, равно как и спандексные комбинезоны Гвасалии, обтягивающие тело буквально от макушки до пяток, эти прежние клише «сексуальности», совершенно перестали восприниматься как нечто, призванное соблазнять и завлекать. Потому что они настолько радикально реконтекстуализировались, так оторвались от сексуализации и объективации, что их больше невозможно описывать в прежних категориях. Как невозможно описывать в прежних категориях и сексуальность.

Восемь лет назад в связи с появлением новой фэшн-волны я писала, что женщины не хотят быть *hot*, но хотят быть *cool*,— сегодня я бы сказала, что само это «*hot*» перестало выглядеть привычным образом. И если бы я стала объяснять, что же такое это нынешнее «*hot*», то использовала бы слова «странность», «уязвимость», «насмешливость» и даже, наверное, «тревожность», даже она может входить в понятие «*hot*» одной из составляющих. Но главное — это отсутствие видимых усилий, старания и стремления соответствовать, которые и есть самая несексуальная вещь на свете.

(«КОММЕРСАНТЪ-WEEKEND», № 33
от 30.09.2022)

ФРАГМЕНТЫ КОЛЛЕКЦИЙ
COURTESY OF RAFF SIMONSON;
MIU MIU; BALENCIAGA